

<https://doi.org/10.37708/ezs.swu.bg.v24i2.8>

**ЛЮБОВЬ И НЕЖНОСТЬ В МЕТАФОРАХ И ИДИОМАХ С
ПИЩЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ АРМЯНСКОГО, РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Аревик Камалян

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

Email: a.kamalyan@ysu.am

ORCID ID: 0009-0004-1721-3106

**LOVE AND TENDERNESS IN FOOD METAPHORS AND IDIOMS:
COMPARATIVE ANALYSIS AND TRANSLATION ISSUES (BASED ON
ARMENIAN, RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)**

Arevik Kamalyan, Yerevan State University, Armenia

ABSTRACT: This paper focuses on the linguocultural analysis of Armenian metaphors and idioms with a food (gastronomic) component that express love, tenderness, affection, and other positive emotions, in comparison with their analogues in Russian and Bulgarian; attention is also paid to translation issues. The study is relevant in the context of the growing interest in interdisciplinary research and cross-cultural communication. The research aims to address a gap in the study of Armenian gastronomic metaphors and idioms as linguistic units that express positive emotions. Another novelty is the comparative analysis of gastronomic metaphors and idioms in Armenian, Russian, and Bulgarian. The paper aims to classify idioms according to their lexical-semantic and expressive features, and to identify similarities and differences among the languages under consideration. The article examines approximately 100 Armenian linguistic metaphors, conventional figurative comparisons and idioms. The concepts of *food* and *feelings/emotions* are closely interconnected in the linguistic worldview of different peoples, which explains the similarities in metaphors and idiomatic expressions across various languages. At the same time, there are many differences attributed to unique cultures, traditions, rituals, and everyday life. Research indicates that the Armenian-Bulgarian language pair has more absolute equivalents than the Armenian-Russian pair. This can be explained by historical commonality, as well as long-standing cultural, economic and social contacts between the Armenian and Bulgarian peoples.

KEYWORDS: food idioms, food metaphors, love and tenderness, emotions, linguocultural analysis, translation of idioms

1. Введение

Язык и культура, как известно, тесно связаны; согласно Тер-Минасовой/Ter-Minasova (2000, с. 13-14), в языке отражается самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции,

обычаи, мораль, видение мира. Лингвокультурология занимается изучением этой связи. Существуют разные определения лингвокультурологии: это «та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» (Телия/Telia, 1996, с. 217); «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова/Maslova, 2001, с. 28); «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных/Krasnykh, 2002, с. 12) и т.д.

Согласно Масловой (2001, с. 3), предметом лингвокультурологии являются «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания». Маслова (2001, с. 36-37) выделяет следующие лингвокультурологические единицы: 1) *безэквивалентная лексика и лакуны*; 2) *мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке*; 3) *паремиологический фонд языка*; 4) *фразеологический фонд языка*; 5) *эталоны, стереотипы, символы*; 6) *метафоры и образы языка*; 7) *стилистический уклад языков* и т.д.

Цель настоящего исследования – выявление, классификация и лингвокультурный анализ армянских метафор и фразеологических единиц с пищевым компонентом, выражающих любовь, нежность, симпатию, а также их сопоставление с аналогичными выражениями в русском и болгарском языках, выявление сходства и различий. Такой анализ помогает пониманию языковой картины мира носителей соответствующих языков, что важно с точки зрения перевода, межкультурной коммуникации, изучения языка и культуры. Выбор языков обусловлен следующими соображениями: с одной стороны, между армянским, русским и болгарским немало общих и/или похожих метафор, устойчивых сравнений, идиом, что объясняется общечеловеческими представлениями об окружающем мире, историческими и культурными связями, влиянием христианства и т.п., а между русским и болгарским сходство обусловлено еще и тем, что оба языка славянские. С другой стороны, существует сходство между армянским и болгарским, особенно в бытовой лексике и фразеологизмах, которые отсутствуют в русском. Это обусловлено тем, что оба народа – армяне и болгары, несколько веков находились под властью Османской империи, что отразилось и на их культуре, языках: есть немало общих заимствований и фразеологических калек из османского турецкого (следовательно, и из арабского и персидского),

Новизна данной статьи заключается в том, что нет исследований, рассматривающих армянские пищевые метафоры и идиомы как выражающие положительные эмоции языковые единицы. Имеются статьи,

диссертации, посвященные идиомам с тем или иным пищевым компонентом, или рассматривающие их в контексте ритуалов, обычаев, верований (напр.: Հայրապետյան/Hayrapetyan, 2009; Martirosyan, 2013; Փաթյան/Patyan, 2014; Բարսեղյան/Barseghyan, 2020; Իսրայելյան/Israyelyan, 2021; Պապյան/Paroyan, 2023), однако они не сфокусированы на связи еды/пищи с чувствами и эмоциями. Нет также сопоставительного анализа армянских, русских и болгарских пищевых метафор и фразеологических единиц (ФЕ).

Теоретической основой исследования являются научные труды, монографии, исследования армянских, русских, болгарских, некоторых англоязычных авторов по фразеологии, мифологии, фольклористике, этнографии, лингвокультурологии, переводоведению: Լալայան/Lalayan, 1902; Աբեղյան/Abeghyan, 1967; Фрейденберг/Freidenberg, 1997; Виноградов/Vinogradov, 1977; Тер-Минасова/Ter-Minasova, 2000; Телия/Telia, 1996; Маслова/Maslova, 2001; Зиновьева/Zinovieva, 2016; Арутюнова/Arutyunova, 1999; Влахов, Флорин/Vlahov, Florin, 1980; Рецкер/Retsker, 2007; Kövecses, 2003 и т.д.; энциклопедии и справочники: ЭСБЕ/BEED, 1890—1907; Словарь библейских образов/Dictionary of Biblical Imagery, 2005; Мифы народов мира/Myths of the peoples of the world. 2008; Словарь русской пищевой метафоры/Dictionary of Russian food metaphors, 2015a, 2017b, 2019b; и т.п. Мы изучили также ряд научных статей, диссертаций, посвященных болгарским ФЕ, идиомам и метафорам: Петрова/Petrova, 2003; Георгиева/Georgieva, 2014; Константинова/Konstantinova, 2018; Савова/Savova, 2019; Маринов, Тодоранова/Marinov, Todoranova, 2022; Кръстева/Krasteva, 2022.

Материалом исследования послужили толковые, фразеологические, диалектные словари армянского, русского и болгарского языков¹; а также армянская литература, фольклор, устная речь².

Как известно, большинство идиом не имеют полного эквивалента в других языках и не поддаются дословному переводу, так как значение идиом не зависит от значения входящих в их состав отдельных компонентов. Исключение составляют идиомы, ФЕ, происходящие из общего источника

¹ Բեդիրյան/Bediryan, 2011; Սարգսյան/Sargsyan, 2013; Սուքիասյան/Sukiasyan, Galstyan, 1975; ՀԼԲԲ/DDAD, 2001-2012; БФСРЛ/LPDRL, 2006; БОФР/BOID (онлайн); РБЕ/DBL (онлайн); Речникът на улицата/Dictionary of slang (онлайн); ФРБЕ/PDBL, 1974-1975.

²Письменная форма арм. языка принято делить на *грабар* (древнеармянский, V-X/XI вв.), *киликский* или *среднеармянский* (XII-XVII/XVIII вв.) и *аишарабар* (с нач. XVIII в.). Совр. арм. представлен двумя литературными разновидностями (с середины XIX в.) – *восточноармянский* и *западноармянский*. В арм. яз. около 60 диалектов, субдиалектов и говоров, из которых большая часть на грани исчезновения или исчезли. Разница между диалектами иногда настолько большая, что говорящие на разных диалектах с трудом понимают друг друга. Примеры из диалектов выбраны по принципу общепонятности.

(как, напр., библейские метафоры и идиомы, ФЕ из античной мифологии), часть соматических ФЕ, некоторые фразеологизмы с компонентом-зоонимом и т.п. Также в разных языках слова с одинаковым денотативным значением могут иметь разную коннотацию и метафорическое значение, вызывать разные ассоциации. В научной литературе выделяют несколько основных способов перевода ФЕ: 1) *абсолютный или полный эквивалент* (совпадают по лексическому составу, по смыслу, эмоциональной окраске), 2) *аналог* (значения ФЕ совпадают, но в основе лежит другой образ), 3) *относительный эквивалент* (значения в основном совпадают, а синтаксическая структура, лексический состав и образные составляющие несколько различаются); а при отсутствии в языке перевода фразеологических соответствий, ФЕ могут быть переведены: 1) *калькией* (дословный перевод), 2) *описательным методом* (толкование, разъяснение значения ФЕ), 3) *лексическим способом* (значение ФЕ одного языка передается с помощью слова) (см., напр., Влахов, Флорин/Vlahov, Florin, 1980, с. 183-196; Рецкер/Retsker, 2007, с. 143-165).

2. Обсуждение

Общеизвестной особенностью языка эмоций является его высокая образность, т. е. в нем преобладают метафорические и метонимические выражения (Kövecses, 2003). В языковой картине мира разных народов четко прослеживается связь еды/пищи с чувствами и эмоциями (см., напр., Brenner, 2001; Carr, 2024). Наслаждение, удовольствие от еды и секса тесно связаны: (Kang et al., 2016); исследования показали также, что за удовольствие от еды и секса отвечают одни и те же участки мозга (см. Georgiadis, Kringelbach, 2012). «Еда часто выступает в фольклоре как метафора интимной связи. (...) Встречаются также мотивы съедания от избытка любви детей их родителями» (Мифы народов мира/Myths of the peoples of the world, 2008, с. 508).

Примером связи еды и любви может послужить «Песня песней» (по арм. – «Երգ Էրգոց»), где грудь любимой сравнивается с вином (1:1. ... *q̄h րարի եկ ւարինք քն քան զգինի* («твои груди лучше вина»); 1:3. ... *եւ սիրեցուցիք զւարին քն քան զգինի* («и полюбил груди твои больше чем вино»); с виноградом/гроздью винограда (7:7. *Նմանեցաւ ... ւարինք քն նղուզաց*); 7:8. ... *եւ եղիցին ւարինք քն իբրեւ զողորմոս որթոյ*); дыхание напоминает аромат яблок (7:8. ... *եւ հոտ նեղաց քնց իբրեւ զխնձոր*); цвет лица сравнивается с кожурой граната (4:3. ... *իբրեւ զկեղեւն նշան եկ ւար քն*; голос сладкий (2:14. ... *q̄h րարիւն քն քաղցր է*); из уст течет мед и молоко (4:11. *Մէկը կարծեցուցանեն շրթունք քն (...), մէկը եւ կարձն ի ներքոյ լեզուի քն* («из твоих губ капает мед, из-под языка твоего [течет] мед и молоко»)) и т.д.³.

³Текст приводится по классическому переводу на *грабар*: Աստուծոյ շնորհ/Бible, 1895 <https://arak29.org/bible/book/index.htm>. Заметим, что переводы на русс. и болг.

Проявление любви, нежности через желание съесть, укусить, ущипнуть кого-то (*cute aggression*) свойственно людям, вне зависимости от культуры (см. Aragón et al., 2015). Это отражено во многих языках, в том числе и в исследуемых: *nunlul pliq* – *съем тебя* – *ще/да те изям*.

В армянском языке самые распространенные фразеологизмы для выражения любви и нежности (особенно к детям) в основном имеют конструкцию «глагол с семантикой “есть/кушать” + название части тела» (чаще с уменьшительно-ласкательными суффиксами). Как показано в **Таблице 1**, некоторые армянские ФЕ имеют абсолютный эквивалент в русском и/или болгарском языках. Некоторые ФЕ полного эквивалента не имеют, но могут быть переведены аналогом, относительным эквивалентом, в крайнем случае – калькой.

арм.	досл. перевод	русс. эквивалент	болг. эквивалент
nunlul (+сущ.)	съем	съем	ще/да изям
մորաթ	мордашку	мордашку	муцунката
թաթիկ/-դ/-ներդ ⁴	ручонку, лапочки, ручки	—	ръчичките
թուշիկ/-դ/ ներդ տոտիկներդ	щечку, щечки ножки	щечки —	бузките крачетата
բուդիկներդ	ляжки	—	—
քիթիկդ	носик	носик	—
աչուկներդ	глазки	—	очичките
սրտիկդ	сердечку	—	—
լեզուդ	язычок	—	—
դունչիկդ	подбородок	—	брадичката
տոտուզդ/ոթիկդ	попку/попочку, жопку	попку/попочку	дупето
պուպուդ	письку	—	пишката
ջիզյարդ	печень	—	джигера
կծենд (+ сущ.)	укушу	укушу	ше ти изгриза/да ти изгризкам
թուշիկներդ	щечки	(за) щечки	бузите
ջիզյարդ	печень	—	—
խկըդ	ум/мозги	—	—
արևդ	солнце	—	—

могут отличаться от арм. перевода, так как они были сделаны в разное время и с разных языков-посредников.

⁴ В арм. яз. притяж. артикли *-ս* [-s] и *-դ* [-d] указывают на принадлежность соответственно первому и второму лицу, а *-ներ* (в однослож. словах *-ը*) – окончание мн. ч.

Таблица 1. Проявление любви через желание съесть или укусить кого-то.

Странная, даже дикая для русской культуры идиома ջիգիրի⁵ *ninlu* «съем твою печень» имеет полный эквивалент в болгарском: *ще ти изям джигера* (диал., прост., устар.). Как известно, печень в мифологии разных народов занимала важное место: вспомним миф о Прометее или раненного в бок Христа (Иоанн, 19:34). Печень – олицетворение мужества, смелости в фарси, хинди; источник радости, счастья у древних греков, в Месопотамии; иногда может олицетворять гнев, раздражение, отрицательные эмоции (у Платона, в Талмуде) (см., напр., Orlandi et al., 2018; Lahnakoski et al., 2024).

В армянской картине мира печень олицетворяет жизненные силы, здоровье; это также вместилище положительных эмоций.

*Ջուր տո՛ր իմ ծիրիւ լերիւի,
քո սիրտի ի տալիս եւ ընկի: (айрен⁶)*

(*досл.* «дай воды моей жаждущей печени, от твоей любви горю/сгораю я».) В основе метафоры лежит представление о том, что печень (а не сердце) является центром эмоций, а фразеологизм «сгорать от любви» описывает всепоглощающую страсть, которая, помимо прочего, проявляется и физическими реакциями организма – учащенным сердцебиением, повышением температуры тела, жаром, что метафорически проецируется на чувства.

Что касается идиомы *սրկի լծել* (*досл.* «укушу (твое) солнце»): как известно, солнце – источник света и тепла, источник жизни на земле, и эти качества метафорически проецируются на теплые чувства к близким и родным, на ощущения радости и счастья от их присутствия: *սրկի* – это 1) *солнце*; 2) *пер. любимый, родной*, 3) *пер. счастье, радость*, 4) *пер. жизнь*⁷.

«Вкусовые» метафоры

⁵ *Ջիգիր* (джигяр) прост., диал.) заимствован из персидского и в разных арм. диалектах означает 1) печень, 2) сердце, 3) легкие, 4) *пер.* кровный родственник, 5) *пер.* зов крови, 6) *пер.* любимый, родной. В болг. джигер (прост., диал.) также заимствование из перс. через турецкий и означает 1) печень, 2) легкие, 3) сердце, 4) *пер.* любимый, родной. В арм. картине мира печень – это вместилище положительных эмоций; отсюда и *ջիգիրով Վիրի* «человек с печенью, имеющий печень» – ‘тот, кто безгранично любит, почитает своих родных, близких, родственников’, *սիճիգիր* «не имеющий печени» – ‘холодный, безразличный, не проявляющий теплых эмоций’.

⁶ Айрен (*հայրեն*) – монострофическая стихотворная форма армянской средневековой и народной поэзии. Состоит из четырех 15-сложных стихов.

⁷ Пожелание *երկիր սրկի* («долгого солнца!») означает ‘долгих лет тебе жизни’, а формула клятвы *իմ/հորի/վրի սրկի* ((«клянусь) моим/маминым/папиным солнцем») означает ‘клясться жизнью (кого-то)’.

В «вкусовых» метафорах для выражения разных эмоций и чувств используются названия основных вкусов и их оттенков, а также слова, описывающие вкусовые ощущения. В армянском языке любовь и нежность в основном проявляются языковыми метафорами *сладкий* (плюс синонимы), *вкусный* и *соленый*.

Приятные ощущения сладкого вкуса метафорически проецируются на приятные эмоциональные состояния. К любимым, особенно к детям, обычно обращаются со словами *րիտքր/րիտքրի* «(мой) сладкий», *տիտք/տիտքի* «(мой) сладкий, сладенький, приятный», *հիտք/հիտքի* «(мой) вкусный». Полные или относительные эквиваленты таких вкусовых метафор есть во многих языках, в том числе и в рассматриваемых:

րիտքր/հիտք/տիտք երեխա/բալիկ – *сладкий/вкусный ребенок* – *сладко бебе/сладур/мамин сладък*; *հիտք տոբ* – *вкусная мордашка* – *сладка муцунка*.

Ощущения от сладкого вкуса проецируются также на приятные, доставляющие удовольствие звуки, запахи, на манеры и поведение людей, метафорически характеризуя различные явления окружающего мира по ассоциации со сладким вкусом пищи:

րիտքր/տիտք ձայն – *сладкий голос* – *сладък глас*; *րիտքր հիւր* – *сладки думы*; *րիտքր/տիտք քն/երեզիւր* – *сладкий сон* – *сладки сънища*; *րիտքր ժպիտ/ժպտիւ* – *сладкая улыбка/сладко улыбаться* – *сладка усмивка*.

Քրտքրտքր (досл. «сладкоязычный»), *րիտքր լեզու ունենալ* «иметь сладкий язык» – говорят о человеке, умеющем говорить красиво, привлекательно, ‘сладкоречивый’. В болг. языке есть относительный эквивалент – *имам медена уста*. Есть армянская поговорка: *րիտքր լեզուն օճր բերդ կհաւի* «сладкий язык змею из норы выманит», т.е. ‘сладкоречием, добрым словом можно кого угодно уговорить’.

Մտք տոբ «пусть (тебе) будет приятно, сладко» – это пожелание приятного аппетита, а также формула благодарности за угощение; соответствует русскому *на здоровье*. Болгарский эквивалент более близок к армянскому – *да ти е сладко*.

Հիտք ձեռք ունենալ «иметь вкусные руки» означает ‘вкусно готовить’. Так говорят о человеке, у которого любое блюдо, любая еда всегда получается вкусно: вкус пищи метафорически проецируется на руки, которые ее приготовили. Когда хотят похвалить вкусную еду, говорят *միտքերը հետը կտան* «пальцы вместе (с едой) съешь»: до повсеместного использования столовых приборов принято было в основном есть руками, которые, образно говоря, можно было съесть вместе со вкусной едой. Фразеологизм имеет полный эквивалент в болгарском – *да си изядеш пръстите*. В русском языке есть аналог – *пальчики оближешь*, который имеет полные эквиваленты в арм. и болг. – *միտքերը լիզել* – *да си оближеш пръстите*.

Вкус пищи воспринимается также через запахи: в арм. яз. есть выражение *հիտք-հոտք* «с (приятным) вкусом и запахом». *Հիտք-հոտք*

«виноград», *խաղողի ողկույզ* «кисть винограда», *շամամ* «шамам» . Круглая форма этих плодов метафорически проецируется на округлую, молодую женскую грудь; также их сладкий, аппетитный вкус вызывает ассоциации с интимными ласками. Такие метафоры и устойчивые сравнения особенно характерны для средневековой поэзии и народных песен.

*Զն ծիծղ է խաղողի նրբիւն,
որ անէր կրծոցդ ի վերիւյ՝⁸*
(Наапет Кучак (16-й в.)

*Грудь твоя, словно кисть винограда,
Виноградина спелый – сосок⁹.*
(пер. Наума Гребнева)

Դիմ անիւն ծուցիդ նրբնէւէն...
(Саят-Нова (18-й в.)

*Гранат твой исцелит меня, —
Гранат грудей. (пер. С. Шервинского)*

Если в первом примере сохранено образное сравнение груди с виноградом, то во втором переводчик не учел, что в русс. языке «гранат» имеет пароним – «граната», из-за чего привычная для армянского фольклора метафора «грудь–гранатовый плод» в переводе звучит нелепо, вызывая ассоциации с взрывчатым боеприпасом.

*Շղմ անրիւնիդ որ դուն տնիւ,
ըզշիւնիւն ծրծկդ ի ներս: (Наапет Кучак)*
*Златни ябълки нежно отглежда
предпазливото ти сърце¹⁰.*
(пер. Марко Маркова)

*Белизну ты внутри несешь,
Грудь твоя, словно два шамама.*
(пер. Наума Гребнева)

Относительно последнего примера заметим, что *շամամ* в русских переводах обычно не переводится, а транскрибируется – «шамам». Эта традиция пошла еще с первых переводов армянской средневековой поэзии, с антологии под редакцией Валерия Брюсова: напр. «*Твоих грудей шамамы я вкушу ль, царица меж цариц?*» (см. в «Поэзия Армении», 1966). Болгарский переводчик заменил шамамы на «златни ябълки», что более привычно для болгарского читателя, тем более, что сравнение женской груди с яблоками также очень часто встречается в армянском фольклоре, средневековой поэзии. Такая замена вполне допустима.

*Զն ծոցդ է անրիւնի տնիւն,
ըն ծրծկդ է կնիւթդ ի վր: (Наапет Кучак)*

*Гърдите ти са белоснежен храм,
а зърната им – кандила.*
(пер. Марко Маркова)

⁸ Здесь и далее произведения из средневековой арм. поэзии цитируются по изданию: Հայ դասական բանասիրություն/Classical Armenian lyric poetry, 1986.

⁹ Здесь и далее переводы на русс. яз. цитируются по изданиям: Поэзия Армении/Armenian poetry, 1966; Армянская средневековая лирика/ Medieval Armenian lyric poetry, 1972.

¹⁰ Здесь и далее переводы на болг. приводятся по электронному журналу «Литературен Свят»/Literaturen Svyat. (<https://literaturesviat.com/>).

В этом айрене переводчик заменил слово «груди» (досл. «*Твое лоно – белый храм, Твои груди – горящие лампадки*») на привычные для болгарского языка и культуры «зърна» (1. зерно, зернышко, 2) виноградина, 3) *пер.* сосок), что вполне вписывается в контекст. Заметим также, что метафора «соски-виноградины» часто встречается в армянской поэзии, народных песнях.

С **яблоком, гранатом, апельсином, айвой** сравниваются грудь, лицо (или цвет лица), рот, губы, язык, зубы любимой. Нежный цвет, приятный вкус и/или форма этих плодов выступают образным эталоном для характеристики предметов подобной окраски или формы и вызывают вкусовые ассоциации с любимой:

Շրթներդ՝ արդ շիրիչդ, նիւի պտիւն «губы твои – шербет любви, гранатовый плод»; *Ծոցդ՝ բարիւն, կանաչ բուսիւն, շինիւն, իյնձր շիրիչիւր* «Грудь (лоно) твоя – цветущий (зеленый) сад, в ней шамамы, яблоки в ряд (растут/стоят)»; *Ըն ծոցն պտիւն՝ նիւն, իյնձրի* «грудь (лоно) твоя – гранатовый, яблочный сад» (Нагаш Овнатан); *Երեսդ նիւի հաւիկ* «лицо твое – зернышко граната»; *տիւններդ՝ նիւի հաւիկ* «зубы твои – зерна граната»; *բիւն իյնձր կարմիր է ք երեսդ* «как красное яблоко лицо твое»; *նիւի կրկ պոռն, իյնձրի կրկ թռն* «губы твои – кожура граната, щеки твой – кожура яблока» (из народных песен).

В переводе эти метафоры звучат непривычно, необычно, иногда странно или смешно (как в случае с гранатом (см. «*гранат грудей*»), так как они, за редким исключением, не характерны ни для русской, ни для болгарской культуры. Однако замены на «привычные» метафоры могут обезличить переводы, может утратиться национальный колорит; и здесь для каждого случая нужен особый подход, с учетом поэтической традиции языка перевода, коннотаций, ассоциаций и т.п.

В устной речи также очень часто встречаются «фруктово-овощные» метафоры, устойчивые сравнения и идиомы. При переводе нужно учитывать, что коннотативные значения слов довольно редко совпадают в разных языках, особенно неродственных; а при переводе из родственных языков есть вероятность «встретить» ложных друзей переводчика.

Ծիրիւն «абрикос» бывает настроение – *ծիրիւն-ծիրիւն* или *բիւր ծիրիւն* «настроение – абрикос» означает ‘навеселе, слегка пьяный’. В основе метафоры скорее всего лежит сочно-золотистый с оранжево-красным отливом цвет абрикоса: у подвыпившего человека щеки, лицо приобретают похожий цвет.

Բոկ «редис, редька» ассоциируется с бодрым, здоровым, полным сил человеком. Встречается в устойчивом сравнении *բոկի պէս* «как редис/редька», в идиоме *բոկի կտոր* «кусочек редьки», т.е. ‘здоровый, полон сил, молодо выглядит’. Устойчивое сравнение имеет абсолютный эквивалент в болгарском – *свеж като репичка*. А в русском бодрый,

здоровый человек ассоциируется с сочным, хрустящим, зеленым огурцом – как *огурчик*.

Во многих языках названия фруктов и овощей являются также **эвфемизмами** для обозначения половых органов. В основе подобных языковых метафор обычно лежит сходство формы плодов с половыми органами, а приятные вкусовые ощущения от сочных, сладких фруктов метафорически ассоциируются с наслаждением от интимной близости. Напр., в арм. языке женский половой орган называют *թուզ* «инжир, фи́га», *ծիրիս* «абрикос», *դեղձ* «персик»; мужской орган/яички – *տիկն* «груша», *փշտ* «плод лоха, пшат», *շոր* (диал., шутол.) «слива», *խիւր* (диал., прост.) «огурец».

Такого рода эвфемизмы встречаются и в русском, и болгарском языках: муж. орган/яички – *хрен*, *огурец*, *помидоры*; в болгарском муж. орган – *кочан* «початка кукуруза», *патладжан* «баклажан», *пипер* «перец», жен. орган – *прасковка* «персик», *фига* (инжир), *слива*.

Орехи, сухофрукты

В устной речи миниатюрную девушку, молодую женщину называют *շուկ* «изюм», но *շուկ* (или *շուկ-ի-շուկ*) *տղիկ* – это не «девушка с изюминкой», как можно было ожидать, а «хрупкого телосложения, небольшого роста, миловидная, приятная девушка». В основе языковой метафоры лежит ассоциация сладкого вкуса и сравнительно небольшой формы изюма с миловидной девушкой. *Շուկ տղիկ* «глаза изюмы» – это «красивые темные/черные глаза»: темный цвет сушеных плодов винограда выступает образным эталоном для характеристики предметов подобного цвета.

Глаза сравниваются также с миндалем: *մուշ/մշակ տղիկ* «миндальные/миндалевидные глаза». Продолговатая форма плода выступает эталоном для характеристики предметов похожей формы. *Մուշ, մուշիկ* (уменьш.-ласк.) также эвфемизм для женского (детского) полового органа.

В средневековой поэзии, народных песнях миндаль часто ассоциируется со сладким языком или губами любимой:

Այ իմ մուշ ու մուշ բերան, / Նուշ ու մուշ, ծաղիկ 'ւ ընտանի: (այբեն)

(досл. «О, твой рот гранат и миндаль, гранат и миндаль, цветок и рехан!)).

Любимая сравнивается с цветущим миндальным деревом, у нее ротик сладкий/вкусный, а губы – миндаль и финик.

*Այ իմ կենդի ծառիկ,
Ծաղկեցար ու դարձար ի մուշ,
Բերանդ է տղու-մաղու,
Պռկներդ է արմառ ու մուշ:
(Кучак)*

Переводчица добавила более привычные для русского читателя «персики, яблоки и груши». Можно не согласиться с тем или иным решением переводчика, как напр., с грушей (в арм. поэтической традиции этот плод не встречается в контексте любовной лирики), однако в целом перевод достойный.

*Ты цветущий миндаль,
ты и плод его сладкий к тому ж,
Губы — финик, инжир,
слаще персиков, яблок и груш.*
(пер. В. Звягинцевой)

Продукты питания, блюда, выпечка

Хлеб с древних времен имел сакральное значение у многих народов. В христианстве хлеб – символ Христа: “*Я есмь хлеб жизни*” (Иоанн, 6:48), хлеб – тело Христово (Матф. 26:26). Во время Причащения освященные хлеб и вино символизируют единство верующего с Христом («*И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им (...) И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета (...)*»). Марк, 14:22-24).

У армян также хлеб «*hug*» занимал и занимает важное место. Согласно арм. этнографу Ст. Лисициану (Лисициан/Lisician, 1955, с. 218), хлеб не полагалось резать ножом, его можно было только отламывать руками, чтобы он не потерял способность поддерживать изобилие в доме. Считалось кощунством ронять хлеб на землю, наступать на него, или оставлять на полу крошки, иначе они могли попасть к злым духам, которые, по древнему поверью, там обитали (см. там же).

Хлеб – символ достатка, изобилия, жизни. На армянских свадьбах мать жениха на плечи жениха и невесты кладет армянский традиционный хлеб – *лаваш*, как символ благополучия и процветания. В армянском языке *hug tunkh* «есть/кушать хлеб» означает ‘вообще кушать, принимать пищу’; *hug shupkh* (досл. «делать/готовить хлеб» – ‘1) готовить пищу, 2) накрывать на стол’. В русском и болгарском языках также хлеб – это не только 1. изделие, выпекаемое из муки, но и 2. пропитание, пища вообще, а также 3. средства к существованию. «Старый болгарин не говорил “ем/кушаю”, он говорил “ем/кушаю хлеб”». (Хаджийски/Hadzhyski, 1995, с. 59; цит. по Константинова/Konstantinova, 2018, с. 91).

Хлебом клялись – *hi hugn qhsh* «хлеб свидетель». Хлеб, т.е. пищу, трапезу, делили с родными, близкими, с друзьями и не садились за стол с недостойным человеком или врагом, так как хлеб считался священным. Фразеологизм *shhsh hkn hug qhsh* «делить/преломить к кем-то хлеб», т.е. ‘быть в хороших, добрых отношениях, дружить с кем-то’, имеет относительные эквиваленты в русском и болгарском: *водить хлеб-соль*; *делить хлеб-соль*; *като хляб и сол*. Согласно Масловой (2001, с. 39), «В древности считалось, что если человек ест «твой» хлеб, он может навредить тебе. Есть и прямо противоположная точка зрения: «странник, вкусивший

нашего хлеба-соли, уже не может питать к нам неприязненного чувства, становится как бы родственным нам человеком».

Соль «ш» также занимает важное место в культуре. Она не только придает вкус пище, но и является одним из древних природных консервантов, предотвращающий порчу продуктов. Консервирующее свойство соли использовалось не только в кулинарии, но и в народной медицине, магических ритуалах: ее использовали в обрядах очищения, перед жертвоприношением солью кормили жертвенное животное (об этом есть упоминание в Библии (Лев. 2:13), посыпали новорожденных (Иез. 16:4). В старину давали клятву на соли, закрепляли клятву солью, так как считалось, что соль, как и хлеб, священны: «В упоминаниях о соли завета подчеркиваются консервирующие свойства соли как символа неизменного и нерушимого союза Бога и Его народа» (Словарь библейских образов/Dictionary of Biblical images, 2005). Клятва на соли являлась распространенной практикой и у армян, что нашло свое отражение в идиоматических выражениях *էն տղի լիւի* «соль свидетель», *էն տղի ու հացի լիւի* «соль и хлеб свидетели».

Хлеб и соль являются символом гостеприимства: хлеб олицетворяет достаток, благополучие, а соль защищает от злых духов, враждебных сил. Полные или относительные эквиваленты следующим фразеологизмам есть во многих языках: *տղ ու հացով դիմախոսել* – хлебом и солью встречать – приемам с хлебом и солью; *տղ ու հացով մարդ* «человек с солью и хлебом» – хлебосольный человек. Фразеологизм *մեկի հետ մի փութ տղ ունի* «съесть пуд соли с кем-то» означает ‘кого-то очень хорошо знать, долго жить/дружить с кем’: чтобы съесть столько соли, надо очень долго знать человека/жить с ним. Этот фразеологизм имеет полный эквивалент в русском – *съесть пуд соли с кем-то*, и относительный в болгарском – *изял съм една торба сол с него* «съел мешок соли с ним».

Пухлого ребенка называют *թթմուկ* «опара/закваска (для хлеба)», что соответствует русскому *пончик, пышка*. Пузырчатая, рыхлая консистенция созревшей опары, которая в процессе брожения увеличивается в разы, выступает в качестве образного эталона для характеристики пухлого ребенка.

Միտիտ («матах») «жертвоприношение» – важная часть армянской культуры с языческих времен. В Библии также есть упоминания о жертвоприношении (Лев., Гл. 9; Быт., 8:20, 22:2-22:13 и т.д). Первоначальное значение слова *միտիտ* – 1) ‘молодой’, а поскольку в жертву приносят только молодое, здоровое животное, отсюда и развились другие значения – 2) ‘жертвенное животное и мясо этого животного’ и 3) ‘обряд жертвоприношения’. Перед жертвоприношением животное кормят освященной в церкви солью¹¹. Мясо жертвенного животного раздают

¹¹ Хотя Армянская Апостольская Церковь не одобряет матах, но с пониманием относится к народным традициям и обычаям.

бедным, случайным прохожим и/или соседям. Фразеологизм *միտնի լիկի մկիկի* «стать матахом ради кого-то; принести себя в жертву» является выражением безграничной любви. Также это ласковое обращение – *քիզ միտնի* ‘родной, родненькой’.

Գաթի («гата») – традиционная армянская выпечка круглой формы, со сладкой начинкой из меда или сахара и масла. Круглая форма символизирует солнце, совершенство, единство, вечность; в древних культурах круг имел также защитное значение (магический круг). Армянская гата символизирует также семейный очаг, повторяя круглую форму *тонира* (см. прим. 17). Гату украшают разными символическими узорами (солнце, луна, геометрические узоры, крест), для которых использ^{уют} гатанахши¹². Гата ассоциируется с праздником, с радостью и весельем, так как ее пекут по большим праздникам, на свадьбу. В праздничную гату при выпекании обычно на удачу кладут монетку, какой-либо орех или из бобовых (фасоль, нут, чечевицу), и тот, кому это достается, считается счастливым и приносящим удачу. С этими ассоциациями и поверьями связаны пословицы *պիտը մեկն անգամ ցաթի չի քի* «дед не всякий раз гату кушает» и *միտն մեկն անգամ ցաթի չի թի* «бабушка не всякий раз гату испечет», которые означают ‘не каждый раз везет; не всякий раз удача на твоей стороне’. В русском языке есть поговорка с тем же значением – *не все коту масленица*, однако ее нельзя считать точным эквивалентом, так как в ее составе есть этнографический компонент. Приблизительно такое же значение имеет болгарская поговорка *не ще яде Хасан баница* «не съест Хасан баницу»: говорят, когда успешное завершение какого-то дела маловероятно. Здесь тоже этнографический компонент – *баница*, так что, не смотря на схожесть значений, такой перевод вряд ли можно считать эквивалентным.

Հալի («халва») – традиционное восточное сладкое блюдо. Армянскую халву делают из муки, масла и меда или сахара. Халва, как гата, ассоциируется с праздником: ее готовят большими блюдами на важные праздники, на свадьбу и раздают гостям, соседям, как символ сладкой жизни, радости. С этой традицией связан фразеологизм *հալի չեն քիշիտի* «халву не раздают», т.е. ‘1) нелегкое дело (напр. *на войне халву не раздают*), 2) нечего глазеть, чего собрались? (о любопытных)’. Русский частичный эквивалент *медом намазано* соответствует второму значению (напр., «тут что, медом намазано?»).

Ծիրը «1) сахар, 2) сахарный» и **մեղր** «1) мед, 2) медовый» в переносном смысле означают «3) сладкий, приятный, 4) сексуально привлекательный». Приятные ощущения от сладкого вкуса этих продуктов метафорически проецируются на чувственные, плотские наслаждения. С

¹² Гатанахши или гатанахшич (от *гата* + *нахи* (узор)) – специальное деревянное приспособление для узоров на гате (см. <https://shorturl.at/K0nPM>).

сахаром и/или медом сравниваются поцелуй, губы, рот и язык любимой (см. подробнее Աբեղյան/Abegyan, 1967, с. 147-149).

«Պագենի՛ գայի բարկուկ անկուկը./ որ շէքերն ի մօտն է լեղի» (Напет Кучак) (досл. «хочу поцеловать твои тонкие губы, по сравнению с которыми сахар (горький как) желчь»)

«Լեզուդ է շիրին քան գՄարի շաքար» (Григорис Ахтамарци) (досл. «язык твой слаще сахара из Мисра/Масра¹³»).

Լիզուդ՝ շաքար, արնօշրդ՝ ղիւն:
(Саят-Нова)

Խօսքիդ քիզըր-քիզըր է,
Լիզուդ շաքար ու նաբաթ:
(Саят-Нова)

Язык твой – сахар, мед уста!
(пер. В. Брюсова)

Сладки, сладки твои слова!
Язык твой — сахар и набат¹⁴
(пер. В. Брюсова)

Идиома *խորը շաքարով կտրել* «досл. отрезать слова сахаром» означает ‘перебить кого-то в вежливой форме’. Так обычно извиняются, перебивая кого-то.

Из молочных продуктов в фразеологизмах встречаются *կարագ* «сливочное масло», *յուղ* «1) масло (гипероним), 2) топленое масло», *կաթ* «молоко», *սիրին* «сыр».

Масло и мед символизируют достаток, зажиточную жизнь, их питательные свойства образно ассоциируются с благополучием, сытой жизнью, так как бедняки редко могли себе позволить эти продукты. *Յուղ ու մեղրի մէջ լինել/սիրել* «быть/жить в масле и меде» означает ‘жить в достатке’. Русский аналог – как сыр в масле, болгарский – като сирене в масло.

Мед и масло обычно едят вместе, намазав на хлеб; они прекрасно сочетаются, балансируя вкус друг друга. С этим связан фразеологизм *մեղր ու կարագ լինել/սիրել* «быть/стать медом и маслом» ‘быть в теплых, дружеских отношениях’. Фраза иногда имеет ироничную коннотацию. В зависимости от контекста, можно переводить относительными эквивалентами.

Масло легко наносится на поверхность предметов, делая скольжение по ним легче; это метафорически проецируется на ситуации, при которых какая-либо деятельность или взаимодействие людей проходит гладко, легко, без осложнений. Устойчивые сравнения *կարագի պէս/միմի* «как сливочное масло» или *խիտճ յուղի պէս/միմի* «как топленое масло» означают ‘очень легко, просто, без препятствий’ и имеют аналоги в русском и болгарском – как по маслу и като по масло; по мед и масло.

¹³ Миср или Маср, араб. название Египта.

¹⁴ Набат (նաբաթ) – вид сладости, делают из воды или сока с добавлением сахара. Считается традиционным для иранской кухни, распространен также на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе.

О чистоте дома, чистоплотности хозяйки говорят *յոյր թափեալ, կիւրծիւրի* «(если) разольешь масло, можно собирать (с пола)». В основе лежит представления о том, что с пола нельзя брать еду, так как пол не может быть идеально чистым. Относительные эквиваленты – *так чисто, что можно с пола есть; вылизан до блеска*.

Идиомы *սրտիւ յոյ կիւրծի* (диал., устар.) «на сердце жировой слой (появился)» означает ‘очень обрадоваться чему-то или кому-то’. Жирная, калорийная пища символизировала благополучие, а жировой слой на продуктах питания считался знаком качества и питательности пищи. Высокая питательная ценность продуктов с большим содержанием жира метафорически проецируется на положительные, радостные эмоции. Идиома имеет относительные эквиваленты в русском – *как маслом по сердцу*, и в болгарском – *мед ми капе на сърцето* «мед капает на сердце».

Хлеб с сыром был едой бедняков и символизировал скудное пропитание. Считалось неприличным, неудобным угощать гостя одним только хлебом и сыром. С другой стороны, считали, что лучше скудный стол от чистого сердца, чем изобилие, но с притворным гостеприимством. Поговорка *սիւկիր-հիւց՝ սրտը րից* «хлеб с сыром, (зато) с открытым сердцем» означает ‘хотя стол не богатый, зато от всего сердца’; русский аналог – *чем богаты, тем и рады*.

В армянской культуре очень трепетное отношение к матери, и достаточно много ФЕ, связанных с материнским молоком. С молоком матери ребенок впитывает порядочность, хорошие качества (равно как и плохие). И о порядочном, честном, чистой души человеке говорят *հիւրի¹⁵ կիւր իկրիւծ* или *հիւրի կիւրծիկեր* «тот, кто ел халал (достойное/чистое) молоко». *Կերիծը կիւրը հիւրի լիկի* «пусть молоко матери будет тебе халал» – это одобрение, похвала за хорошие, добрые поступки, за достойные уважения качества человека; это значит, что человек оправдал право есть молоко матери. Выражение имеет абсолютный эквивалент в болгарском – *халал ти майчиното мляко*.

3. Заключение

Концепты «еда/пища» и «чувства/эмоции» тесно связаны в языковой картине мира разных народов, и эта связь отражена в метафорах, устойчивых сравнениях, идиомах. В статье проанализированы около ста армянских языковых метафор, собственно образных слов, устойчивых сравнений и идиом с пищевым компонентом, выражающих положительные эмоции, в частности любовь, нежность, симпатию; проведен также сопоставительный анализ с аналогичными единицами в русском и болгарском языках. Сходство метафор и идиоматических выражений в

¹⁵ Հիւրի (халал) – заимствован из арабского (через османский). В разных арм. диалектах имеет несколько значений: 1) честный, бесхитростный, 2) чистый, неподдельный, 3) правый, правильный, 4) достойный.

разных языках обусловлено общечеловеческими представлениями об окружающем мире, а также культурными и историческими связями. Как показало проведенное исследование, в языковой паре армянский–болгарский больше абсолютных (полных) эквивалентов, чем в паре армянский–русский. Наряду с абсолютными, относительными эквивалентами и аналогами в русском и/или в болгарском языках, в армянском языке существуют пищевые метафоры, идиомы и ФЕ, не имеющие эквивалентов ни в одном из сопоставляемых языков. Языковые и культурные различия делают перевод таких метафор, идиоматических выражений затруднительным, требующим особого подхода.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Арутюнова, Н. Д. (1999).** *Язык и мир человека*. 2-е изд. — М.: Языки русской культуры. — I-XV. (**Arutyunova, N. D.** *Language and the human world*. 2nd ed. Moscow: Languages of Russian Culture — I-XV.).
- Варданян, Л. М., Сарксян, Г. С., Тер-Саркисянц, А. Е. (ред.-ы) (2012).** *Армяне*. Серия «Народы и культуры». ИЭА РАН, ИАЭ НАН РА. — М.: Наука. ISBN 978-5-02-037563-5. (**Vardanyan, L. M., Sarksyian, G. S., Ter-Sarkisyants, A. E.** (Eds.) *The Armenians*. Book series “Nations and cultures”. IEA RAS, IAE AAS. M.: Nauka). <https://shorturl.at/zAom5>.
- Виноградов, В. В. (1977).** *Лексикология и лексикография*. АН СССР. М.: Наука. (**Vinogradov, V. V.** *Lexicology and Lexicography*. Academy of Sciences USSR. M.: Nauka).
- Влахов С., Флорин С. (1980).** *Непереводимое в переводе*. — М.: Изд. «Международные отношения». (**Vlahov, S., Florin, S.** *The untranslatable in translation*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya).
- Георгиева, С. (2014).** Фразеологическая активность концепта “хлеб” в русском и болгарском языках. *Litera scripta manent. Служение слову*. Т. 2, 68-75. Шумен: УИ Еп. К. Преславски. (**Georgieva, S.** Phraseological activity of the concept "bread" in the Russian and the Bulgarian languages. *Litera scripta manent. Sluzhenie slovu*. Vol. 2, 68-75. Shumen: UP “Ер. К. Preslavsky”). <https://shorturl.at/5bgNu>.
- Зиновьева, Е. И. (2016).** *Лингвокультурология: от теории к практике*. СПб.: СПбГУ; Нестор-История. (**Zinovieva, E. I.** *Linguoculturology: From theory to practice*. SPbU. Nestor-Istoria).
- Константинова, Д. (2018).** Гастрономическите традиции на българи и словаци, отразени в българската и словашката фразеология. *Studia Philologica*. 37(1), 89-102. (**Konstantinova, D.** Gastronomic traditions of Bulgarians and Slovaks and its expression in Bulgarian and Slovak phraseology. *Studia Philologica*. 37(1), 89-102). <https://journals.uni-vt.bg/studiaphilologica/bul/vol37/iss1/art8>.
- Красных, В. В. (2002).** *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. — М.: Гнозис. — (**Krasnykh, V. V.** *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. M.: Gnozis).
- Кръстева, Т. (2022).** *Устойчиви сравнения в българския и руския език — лингвистични и лингвокултурни аспекти*. (дисс.) (**Krasteva, T.** *Stable comparisons in Bulgarian and Russian languages: Linguistic and linguo-cultural aspects* (diss.)). <https://shorturl.at/UbZYM>.

- Лисициан, С. Д. (1955).** Очерки этнографии дореволюционной Армении. *Кавказский этнографический сборник*. Вып. 1, с. 182-264. Изд-во АН СССР. (Lisician, S. D. Essays on the ethnography of pre-revolutionary Armenia. *Caucasian Ethnographic Collection*. Vol. 1, pp. 182-264. AS of USSR Publ.).
- Маринов, В., Тодоранова, А. (2022).** Хлябът в българската и в румънската фразеология. Материали конференции “Славянские этносы, языки и культуры в современном мире”. Уфа. 108–114. (Marinov, V., Todoranova, A. Bread in Bulgarian and Romanian phraseology. Conference “Slavic Ethnic Groups, Languages and Cultures in the Modern World. Ufa.).
- Маслова В. А. (2001).** *Лингвокультурология*. М.: Издательский центр «Академия». (Maslova, V. A. *Linguoculturology*. Moscow: Academia).
- Мифы народов мира (2008).** (Гл. ред. Токарев. С. А). Энциклопедия. Электронное изд. (*Myths of the peoples of the world*. (EIC Tokaryev, S. A.) Encyclopedia. EPUB. <https://shorturl.at/CwB0k>).
- Петрова, А. (2003).** *Езиковата метафора и балканската картина на света*. В. Търново: УИ Св. св. Кирил и Методий (Petrova, A. *The Linguistic metaphor and the Balkan linguistic worldview*. V. Tarnovo: St. Ciril and Methodius Publ.). <https://shorturl.at/10FAT>.
- Рецкер, Я. (2007).** *Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода*. — М. Международные отношения. 3-е изд. (Retsker, Ia. *The theory and practice of translation*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 3rd ed.).
- Савова, Д. (2019).** Метафори от областта на храненето в българския език. *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie (Cyrillo-Methodian Papers)* 8, 88-106. (Savova, D. Food metaphors in the Bulgarian language. *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie (Cyrillo-Methodian Papers)* 8, 88-106.). <http://dx.doi.org/10.17951/zcm.2019.8.88-105>.
- Словарь библейских образов (2005).** [Справочник] Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III; [пер.: Скороходов Б.А., Рыбакова О.А.]. – Санкт-Петербург: Библия для всех. (*Dictionary Of Biblical imagery*. General editors: Leland Ryken, James C. Wilhoit, Tremper Longman III. Transl. to Russian by Skorokhodov B., Rybnikov O. SPb. Publ. “Biblia dlya vseh”).
- Словарь русской пищевой метафоры (2015а, 2017б, 2019в)** (в 3 томах). Т. 1. Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск: Издательство Томского государственного университета. Т. 2 /[А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина]; под ред. Е. А. Юриной; Томск; Издательство Томского университета. Т. 3 /А. В. Балдова, М. В. Герасимова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной; Томск: Изд. Томского университета. (*Dictionary of Russian food metaphors*. In 3 vol. Tomsk: Tomsk State University Publ.).
- Телия, В. Н. (1996).** *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Изд. “Языки русской культуры”. (Telia, V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. M.: Yazyki russkoj kultury).
- Тер-Минасова, С. (2000).** *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово. (Ter-Minasova, S. *Language and cross-cultural communication*. Moscow. Slovo).
- Фрейденберг, О. М. (1997).** *Миф и литература древности*. 2-е изд., — М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН. (Freidenberg, O. M. *Myths and literature of antiquity*. M.: Vost. Lit. RAN).

- Хаджийски, Ив.** (1995), *Бит и душевност на нашия народ*. София: УИ „Св. Климент Охридски“. (**Hadzhiyski, Iv.** *The Lifestyle and spirit of our people*. Sofia: Sv. Kliment Ohridski Publ.
- ЭСБЕ (1890—1907).** *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб. (**BEED.** *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. 86 vol. SPb.). (<https://runivers.ru/lib/book3182/>).
- Աբեղյան, Մ.** (1967): Երկեր, հտ. Բ, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ. (**Abeghyan, M.** *Collected works*. Vol. 2. Yerevan. Publ. Academy of Sciences of the ArSSR).
- Բարսեղյան, Գ.** (2020): «Մեղր» բաղադրիչով դարձվածային միավորները բրիտանական և հայ լեզվամշակույթներում: *Բանբեր ԲՊՀ: Լեզվաբանություն և բանասիրություն*, 1(52), 24-40. (**Barseghyan, G.** *Phraseological units with the component "honey" in British and Armenian linguocultures*. *Bulletin of BSU. Linguistics and Philology* 1(52), 24-40).
- Բդոյան, Վ.** (1986): *Հայկական աղանակներ*: Սովետական գրող: (**Bdoyan, V.** *Armenian salt cellars*. Publ. "Sovetakan grogh").
- Իսրայելյան, Հ.** (2021): Աղը հայկական ավանդույթներում և հավատալիքներում: *Աշխատություններ Հայաստանի պատմության թանգարանի. Ազգագրություն*, հտ. 8: (**Israyelyan, H.** *Salt in the Armenian traditions and beliefs*. *Proceedings of the history museum of Armenia*. Vol. 8). <https://shorturl.at/n8ekv>.
- Լալայան, Ե.** (1902): Տղաբերք և կնունք: *Ազգագրական հանդես, Գիրք IX:* (**Lalayan, E.** *Childbirth and baptism*. *Ethnographic journal*. Vol. 9). <https://shorturl.at/YCL8J>.
- Լալայան, Ե.** (1903): Կրակի պաշտամունք: *Ազգագրական հանդես, Գիրք X:* (**Lalayan, E.** *Fire rituals*. *Ethnographic journal*. Vol. 10). <https://shorturl.at/bYoow>
- Հայրապետյան, Ա.** (2009): *Հայերենի և անգլերենի՝ սննդանուն պարունակող դարձվածքների զուգադրական ուսումնասիրություն* (ատեն.): (**Hayrapetyan, A.** *Comparative analysis of food idioms (based on the material of Armenian and English)*. (diss.)).
- Պապոյան, Ս.** (2023): «Հաց» սննդանունով դարձվածքների համեմատությունը գերմաներենում և հայերենում: *Բանբեր ԲՊՀ: Լեզվաբանություն և բանասիրություն*, 1(64), 196-205. (**Papoyan, S.** *Contrastive analysis of phraseological units with the component "bread" in German and in Armenian*). *Bulletin of BSU. Linguistics and Philology*. 1(64), 196-205).
- Փաթյան, Կ.** (2014): *Հաց և ջուր հասկացությունների լեզվանաևադրական հայեցակետայր անգլերենում՝ հայերենի զուգադրությամբ* (ատեն.): (**Patyan, K.** *Linguo-cognitive aspect of the concepts bread and water in English compared with Armenian*. (diss.)).
- Aragón, O. R., Clark, M. S., Dyer, R. L., & Bargh, J. A.** (2015). Dimorphous expressions of positive emotion: displays of both care and aggression in response to cute stimuli. *Psychological science*, 26(3), 259–273. <https://doi.org/10.1177/0956797614561044>.
- Brenner, A.** (2001). The food of love: Gendered food and food imagery in the Song of Songs. *Semeia*, Vol. 86, 101-112. Publ.: Society of Biblical Literature.
- Carr, C.** (2024). Desire and hunger: women and food. The earliest example of a universal conceptual metaphor in the Sumerian “Love Songs”. «Eating and drinking in the Ancient Near East». *Proceedings of the 67th Rencontre Assyriologique Internationale*, (Turin, July 12–16, 2021). Zaphon, Enkingweg 36, Münster.

- Georgiadis, J. R., & Kringelbach, M. L. (2012).** The human sexual response cycle: brain imaging evidence linking sex to other pleasures. *Progress in Neurobiology* 98, 49–81.
- Kang, Y., Zheng, L., & Zheng, Y. (2016).** Sex and eating: relationships based on wanting and liking. *Frontiers in psychology*, 6: 2044. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.02044.
- Kövecses, Z. (2003).** *Metaphor and emotion: language, culture, and body in human feeling*. Cambridge University Press.
- Lahnakoski, J. M., Bennett, E., Nummenmaa, L., Steinert, U., Sams, M., & Svärd, S. (2024).** Embodied emotions in ancient Neo-Assyrian texts revealed by bodily mapping of emotional semantics. *iScience*, 27 (12). Article 111365. DOI: 10.1016/j.isci.2024.111365.
- Martirossyan, N. (2013).** The comparative analysis of linguistic units denoting food in English and Armenian. *KANTEGH*. Vol. 4, 160-167. <https://shorturl.at/7H101>.
- Martirossyan, Hr. (2022).** Armenian body part names: external genitalia. *Studies in Armenian grammar and lexicon: Proceedings of the Workshop on Armenian Linguistics*. Würzburg, 4-5 April. 2022, pp.161-226.
- Orlandi, R., Invernizzi, P., Cesana, G., Cianci, N., & Riva, M. A. (2018).** “I Miss My Liver.” Nonmedical sources in the history of Hepatocentrism. *Hepatology Communications*, 2(8), 986–993. <https://doi.org/10.1002/hep4.1224>

ИСТОЧНИКИ:

- Армянская средневековая лирика. (1972).** Л.: изд. "Сов. писатель", Ленинградское отд.. (**Medieval Armenian lyric poetry**. Leningrad: "Sov. Pisatel" Publ.
- БФСРЛ (2006).** *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Отв. ред.: В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. (**LPDRL. Large Phraseological Dictionary of the Russian Language**. Meaning. Usage. Culturological Comment. Editor-in Chief V.N. Teliya. – М.: AST-Press Kniga).
- БОФР (онлайн)** *Български онлайн фразеологичен речник*. (**BOID. Bulgarian online dictionary of idioms**. <https://frazite.com/>). Дата обращения 17.07.2025.
- “Литературен Свят”.** Електронното списание. (“*Literaturen sviat*”. E-journal. <https://literaturesviat.com/>. Дата обращения 19.11.2025.
- Поэзия Армении (1966).** (С древнейших времен до наших дней). Изд. Айастан. (*Armenian poetry: from ancient times to present day*. “Hayastan” Publ.).
- РБЕ (онлайн).** *Речник на българския език* (**DBL. .Dictionary of the Bulgarian Language** (online). <https://ibl.bas.bg/rbe/>. Дата обращения 10.08.2025.
- Речникът на улицата (онлайн).** (**Dictionary of slang** (online). <https://www.bgjargon.com/>. Дата обращения 21.08.2025.
- ФРБЕ (1974-1975).** *Фразеологичен речник на българския език*. Авторы: Ничева, С., Спасова-Михайлова, С., Чолакова, Кр. София: Изд. на БАН.. Том 1, 1974, том 2, 1975. (**PDBL. Dictionary of the Bulgarian idioms**. By Nicheva, S., Spasova-Mikhailova, S., Cholakova, Kr. Sofia: Publ. BAS).
- Մատնանքն (1895):** Մատնան Հին և Նոր կտակարանաց: Վնասանդնությունիւ: (**Bible: Old Testament and New Testament**. Constantinople). <https://arak29.org/bible/book/index.htm>.

- Բեդիրյան Պ. (2011):** Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան: Երևան, ԵՊՀ հրատ.: (**Bediryan, P.** Comprehensive dictionary of Armenian idioms. Publ. Yerevan State University).
- Հայ դասական քնարերգություն (1986):** Հտ. 1., 2. Ե., «Սովետական գրող» հրատ.: (**Classical Armenian lyric poetry.** Vol. 1, Vol. 2., Publ. “Sovetakan grog”).
- ՀԼԲԲ (2001-2012):** Հայոց լեզվի բարբառային բառարան: (12 հտ.), ՀՀ ԳԱԱ հրատ.: (**DDAD.** Dialectological dictionary of the Armenian language. In 12 vol. NA of Sciences RA).
- Սարգսյան Ա. (2013):** Ղարաբաղի բարբառի բառարան: Արցախի պետ. համալսարան: (**Sargsyan, A.** Dictionary of Karabakh dialect. Artsakh State University).
- Սուքիասյան Ա., Գալստյան Ս. (1975):** Հայոց լեզվի դարձվածաբանական բառարան: ԵՊՀ հրատ.: (**Sukiasyan, A., Galstyan, S.** Dictionary of Armenian idioms. Publ. Yerevan State University).